

13. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński (1996, 1999);
14. Стахова В. Поняттєво-виражальна сутність «фраземіки» в українському лінгвотермінологічному просторі / В. Стахова // Мандрівець. Всеукраїнський науковий журнал : Серія філологічна. – Тернопіль, 2010. – №3. – С. 76–80.
15. Стрілець Н. Я. Структурні та функціонально-семантичні особливості соматичних фразем у романських мовах : дис. канд... філол. наук. – Львів, 2002. – 182 с.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
17. Телия В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. – М., 1966. – С. 213–238.

УДК 808.2-3+808.26-3+808.3

В. И. Коваль

УКРАИНСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ЛАПАТИ ЗАЙЦА* И ЕГО ИНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Коваль В. И. Український діалектний фразеологізм *лапати зайця* та його інослов'янські паралелі.

У статті розглянуто внутрішню форму українського діалектного фразеологізму *лапати зайця* 'говорити (робити) дурниці' на фоні схожих у структурно-компонентному і семантичному відношенні зворотів у споріднених слов'янських мовах; встановлено архаїчну символіку слова-компонента *засць*, яка характеризується амбівалентними ознаками.

Ключові слова: фразеологія, діахронічний аналіз, структурно-семантична модель, слова-символи, народна духовна культура.

Коваль В. И. Украинский диалектный фразеологизм *лапати зайца* и его инославянские параллели.

В статье рассматривается внутренняя форма украинского диалектного фразеологизма *лапати зайца* 'говорить (делать) глупости' на фоне сходных в структурно-компонентном и семантическом отношении оборотов в родственных славянских языках; устанавливается архаичная символика слова-компонента *заяц*, характеризующаяся амбивалентными признаками.

Ключевые слова: фразеология, диахронический анализ, структурно-семантическая модель, слова-символы, народная духовная культура.

Koval V. I. Ukrainian dialect phraseologism *lapati zaicya* and its other Slavic parallels.

The article deals with the inner shape of Ukrainian dialect phraseologism *lapati zaicya* 'to say (to do) nonsense' on the background of similar in structural and semantic relation of the phrases in the related Slavic languages. The archaic symbolism of the word- component *zayac*, which is characterized with ambivalent characteristics is set in this article.

Key words: phraseology, diachronic analysis, structural and semantic model, word-symbols, folk spiritual culture.

Фразеологізм *лапати зайця* 'говорить (делать) глупости', зафіксований в українських буковинських говорах (МСБГ, с. 14), створює враження регіонального оборота, позбавленого якої-небудь «внутренней логіки», поскільки спроби одразу ж, «в першому наближенні» встановити істоти образу, положеного в основу цілісної фразеологічної семантики, неминуче поставлять дослідника в тупик. Насправді, надзвичайно важко «вивести» з сумми значень компонентів (*лапати* 'ловить, хватать' і *заяц* 'небольшой зверек из отряда грызунов') абсолютно «неожиданную» семантику – 'говорить (делать) глупости'. Между тем очевидно, что перед нами – типичное

фразеологическое сращение, при характеристике которого, как подчеркивал В. В. Виноградов, «чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический подход <...> не достигает цели» [3, с. 25]. Б. А. Ларин, называвший «иррегулярность», «неправильность» в качестве неотъемлемых особенностей немотивированных фразеологизмов, указывал на одну из причин фразеологической «неправильности», при которой внутренняя форма оборотов затемнена, хотя составляющие фразеологизм компоненты принадлежат к активному словарному запасу: «...все слова известны, а смысл целого остается неясным» [9, с. 153].

Одним из следствий бурного развития фразеологии на рубеже веков стало вполне сформировавшееся убеждение, согласно которому к этимологическому анализу фразеологических единиц вполне применимы принципы, давно апробированные в ходе диахронической интерпретации лексики. Важнейший из этих принципов заключается, как известно, в сравнении исследуемой языковой единицы с однотипными в формальном и содержательном отношении словами (в нашем случае – со словосочетаниями). Напротив, изолированное рассмотрение того или иного слова (фразеологизма) приводит, как правило, к недостаточно аргументированной или надуманной этимологии.

Обращение к фразеологическому фонду родственных славянских языков свидетельствует о том, что являющийся объектом нашего рассмотрения фразеологизм имеет целый ряд инославянских параллелей. Среди них прежде всего следует назвать бел. *з зайцам у галаве* ‘глуповатый, недалекий’ (Высл., 68) и пол. *mieć zajączki w głowie* ‘быть сумасшедшим’ (Skog. 2, s. 737); явно пейоративную семантику имеет также болг. *уловил съм зайчето* ‘заболел’; ‘оказался в неприятной ситуации’ (ФРБЕ 2, с. 449).

Среди негативно осмысливаемых «заячьих» фразеологизмов особое место занимают устойчивые словосочетания, объединяющиеся значением ‘споткнуться, упасть’: бел. *зайца злавіць* (СГВ, с. 590), пол. *złapać (chusać, zabić) zająca* (НКРР 3, s. 820), чеш. *hytit zajíce* (Zaog., s. 438). Анализируя происхождение синонимичного оборота – укр. диал. *вовка вбити* ‘упасть на землю, споткнуться’, известный украинский фразеолог А. А. Ивченко приводит белорусские, польские и чешские соответствия, считая их образованными по структурно-семантической модели ‘добыть + охотничий трофей = совершить неудачный поступок’ [7, с. 199]. На наш взгляд, свойственное этим фразеологизмам значение – ‘упасть на землю’ – все же необходимо отделять от более широкой семантики ‘совершить неудачный поступок’, поскольку падение человека (особенно неожиданное падение) не может не осмысляться как действие произвольное, происходящее под влиянием сил «извне» и поэтому аналогичное болезненному состоянию. При более тщательном рассмотрении оказывается, что именные компоненты фразем этого типа (*заяц, волк,*

выдра и др.) осознались носителями языка не просто как охотничьи трофеи, но и как животные, наделенные определенной символикой.

Приведенные фразеологизмы, однако, ничего не проясняют, а лишь усложняют понимание «исходного» в нашем случае фразеологизма *лапáти зайца* ‘говорить (делать) глупости’, «уводя» его в иную семантическую сферу. Очевидно однако, что, невзирая на различия в семантике приведенных фразеологизмов, они обладают определенным сходством грамматической структуры и семантики. Так, фраземы со значением ‘споткнуться, упасть’ близки целому ряду других фразеологизмов, в состав которых входят негативно оцениваемые смыслообразующие именные компоненты. Сравн.: бел. *сханіць бізуна* ‘получить лупцовки’, *трасцу сханіць* ‘ничего не получить’ (ТСБМ 5, с. 407), *плескача схваціць* ‘быть наказанным’ (СБНФ, с. 213); рус. *плакунчиков поймать* ‘замерзнуть’ (ФСРГС, с. 141); хорв. *dobiti batine* (= получить палку) ‘быть побитым’ (FRHSJ, s. 12), *dobiti vrapca* (= получить воробья) ‘ничего не получить’ (FRHSJ, s. 752). В белорусских народных проклятиях глагол *сханіць* употребляется в сочетании с названиями болезней и мифических существ: *Бадай цябе рэзанá сханіла* (*рэзанá* ‘понос’) (Высл., с. 203); *Каб цябе патайнік сханіў!* (*патайнік* ‘эпилепсия’) (Высл., с. 225); *Кадук цябе схані!* (*кадук* ‘черт’) (Высл., с. 229); *Чорт цябе схані!* (Высл., с. 237). Таким образом, глагольный компонент приведенных фразеологизмов развивает на базе прямого значения ‘взять резким движением рук’ более отвлеченную, категориальную семантику – ‘внезапно приобрести негативно оцениваемое состояние (физическое ощущение)’.

Что касается роли именного компонента, являющегося семантическим центром приведенных фразем, то она может быть выявлена только через обращение к этнокультурной сфере, в которой заяц имеет ярко выраженные амбивалентные характеристики. С одной стороны, широко известна детородная и продуцирующая символика зайца, истоком которой является, очевидно, плодовитость и живучесть животного. Так, в белорусском устойчивом словосочетании *зайцаў хлеб* ‘остатки еды, привезенной домой из лесу, луга, которую предлагают съесть детям’ (ТСБМ 5, с. 200) нашли отражение представления о магическом влиянии зайца на рост, развитие, здоровье ребенка отражены. Продуцирующая символика зайца в наибольшей мере нашла отражение в свадебной обрядности. Так, о девушке, которая не может выйти замуж, говорят, что она тогда замуж выйдет, когда в лесу зайца поймает. На свадьбе исполнение песен о зайце нередко связано с обрядом брачной ночи и определением «честности» невесты. Идея плодовитости зайца выражена в использовании заячьей крови в качестве средства от бесплодия, в объяснении детям, что их принес заяц. Сон о пойманном зайце предвещает женщине беременность и рождение сына (СМ, 191). Выразительная эротическая (фаллическая) символика характерна для украинского

диалектного термина *заяць* ‘толкач, служащий для выжимания масла в маслобойне’ (Гринч. 3, с. 52), и для смыслообразующего компонента *zec* ‘заяц’ в серб. *tjerati zeca* (= гонять зайца) ‘вести распущенную жизнь’ (FRHSI, s. 782); сравн. с последним чешский фразеологизм *vyhanel z dirý zajíce* (=выгонял зайцев из норы), который определяется как ‘метафорическое обозначение коитуса’ [4, с. 182]. Фигурками зайца, изготовленными из теста, украшали свадебный каравай, что также имело продуцирующую направленность – стремление обеспечить молодым продолжение рода [5, с. 53]. В русской свадебной обрядности известно ритуальное действие *зайчика подносить*, заключающееся в поднесении девушками к столу, где сидят молодые, сделанного из платка зайчика с произнесением присказки – пожелания детородия (СРНГ 10, с. 110). Согласно распространенному поверью, в последних несжатых колосьях на поле, символизирующих урожай, находится дух поля – *хлебный заяц*, который воплощает живительную плодоносную силу земли [11, с. 80].

С другой стороны, не менее известны прямо противоположные, негативные представления о зайце как воплощении нечистой силы, зла, болезни и даже смерти. Истоки этой символики довольно сложны; одно из возможных ее объяснений – сохранившееся у восточных и южных славян поверье о «смешанности» зайца как признаке «нечистого» животного: «у зайца собачьи лапы, кошачья голова и ослиные уши» [4, с. 141]. Весьма распространены поверья о зайце-оборотне, о появлении черта или лешего в виде зайца. Так, в белорусской быличке «заяц водит охотника по лесу, заманивая его все дальше, а потом с шумом исчезает в вихре» [4, с. 188]. Очевидная связь зайца с нечистой силой отражена и в известном сказочном сюжете о Кашее Бессмертном, где заяц выступает в роли хранителя бессмертия Кашея: «Из сундука должен стремглав выскочить заяц, унося с собой кашееву смерть и тем самым спасая Кашея» [12, с. 332]. В качестве типологических параллелей могут приведены обусловленные табу номинации зайца в других языках, концентрирующие внимание на внешнем виде животного. Так, в берберском языке зайца, особенно утром, называют не прямо, а описательно – *bu tmezgīn* (= длинноухий зверь); сравн. также греч. *λάωωος* (= вислоухий зверь) и перс. *xargōš* (= зверь с ослиными ушами) [2 с. 373].

Устойчивая ассоциация «заяц → беда, горе» наглядно отражена в народных поверьях о встрече с зайцем, об опасности его проникновения в окультуренное пространство: «Калі ў новую хату ў часе будаўніцтва забег заяц, дык новая хата абавязкова згарыць; тады будоўлю спыняюць, а матэрыял ужываюць на апал» [10, с. 28-29]; сравн. рус. *Заяц по селенью бегаёт – к пожару* (Даль 1, с. 670). Вообще встреча с зайцем однозначно оценивалась как плохое предзнаменование: «Заяц, перебежавший дорогу или встретившийся на пути, сулит путнику несчастье, например, охотнику и рыбаку – неудачу в ловле, сплавщику плотов – мель или разбитые плоты»

(СМ, с. 191-192). Особенно неблагоприятной считалась встреча с зайцем свадебного поезда, который в этом случае останавливался [4, с. 142]. Названное поверье положено в основу немотивированного диалектного фразеологизма *забрасывать (закидывать) зайца* ‘преграждать дорогу свадебному поезду жердью или веревкой’ [6, с. 121]. В русских говорах термин *заяц* употребляется в значении ‘палка, брошенная на пути шествия молодых’ (СРНГ 11, с. 203). Сравн. примету, связанную с этим термином: *Зайца не откидай – будешь женку откидать* (там же). С аналогичным значением – ‘останавливать свадебное шествие, требуя от жениха выкуп за невесту’, – известен русский диалектный фразеологизм *зайца ловить* (ФСРГС, с. 107). Непосредственное отношение к названным представлениям имеет и текст заговора от зубной боли, где заяц выступает в функции демонического существа, к которому отсылается болезнь: «На море, на океане, на острове Буяне стоят высокие три дерева, под теми деревьями лежит заяц; перенесись ты, зубная боль, к тому зайцу» [1, с. 219].

Следует отметить, что мотив ловли (поймки) зайца, нашедший отражение в приведенных этнофразах, связан в этнокультурной сфере с представлениями о смерти и «том свете». Так, по русским поверьям, колдун может послать своего врага «ловить зайцев», которые «заводят людей в пропасти, овраги, ямы и долго их мучают и в конце концов губят» [13, с. 99]. На Могилевщине о женщине, которая ни разу не была крестной, говорили: *Ты, мусіць, не хадзіла ў бабкі і будзіш зайцоў пасвіць на тым свеце* [8, с. 27].

Сказанное дает основание заключить, что негативная символика зайца, относящаяся к пласту очень древних (языческих) представлений, является мотивирующей базой для формирования семантики фразем рассматриваемого типа, в том числе и украинского диалектного оборота *лапати зайца* ‘говорить (делать) глупости’.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни : Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. статьей Ю. С. Степанова / Э. Бенвенист. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 447 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – [2-е изд.]. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
5. Гура А. В. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу / А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник : Материалы и исследования. – М. : Наука, 1983. – С. 49–153.
6. Ивашко Л. А. Устойчивые сочетания слов, связанные с обрядами, в псковских говорах / Л. А. Ивашко // Северорусские говоры : Межвуз. сб. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – Вып. 3.– С. 118–125.
7. Івченко А. О. Українська народна фразеологія : ономазіологія, ареали, етимологія / А. О. Івченко. – Харків : ФОЛІО, 1999. – 304 с.
8. Кухаронак Т. І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў : Канец XIX – пач. XX ст. / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
9. Ларин Б. А. О народной фразеологии / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избран. работы). – М. : Просвещение, 1977. – С. 149–162.

10. Нікольскі Н. М. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераньнях беларускага сялянства / Н. М. Нікольскі. – Менск : Бел. АН, 1933. – 36 с.
11. Покровская А. В. Земледельческая обрядность / А. В. Покровская // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : Ист. корни и развитие обычаев : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1983. – С. 67–90.
12. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т археологии / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782, [I] с.
13. Топорков А. Л. Из рукописных материалов П. Г. Богатырева / А. Л. Топорков // Русская речь. – 1988. – № 6. – С. 95–99.

Принятые сокращения

- Высл. – Выслоўі / [Склад., сістэм тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата. Рэд. тома А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
- Гринч. – Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / Ред., с добавл. собств. материалов, Б. Д. Гринченко : Т. 1–4. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1958 – 1959.
- Даль – Даль Владимир. Толковый словарь живого и великорусского языка : Т. 1–4. – М. : Рус. яз., 1978–1980.
- МСБГ – Матеріали до словника буковинських говірок : [навч. посібник]. – Чернівці : ЧДУ, 1978. – Вип. 5. – 100 с.
- СБНФ – Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1972. – 320 с.
- СГВ – Сцяшкovich Т. В. Слоўнік Гродзенскай вобласці. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.
- СД – Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – 584 с. ; Т. 2. – М. : Междунар. отн., 1999. – 584 с.
- СМ – Славянская мифология : Энциклопедический словарь. – М. : ЭЛМИС ЛАК, 1995. – 416 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов. Вып. 1–27. – Л. : Наука, 1965–1994.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мінск : Беларус. сав. энцыклапедыя. – Т. 1 : А–В. – 1977. – 608 с. ; Т. 2 : Г–К. – 1978. – 768 с. ; Т. 3 : Л–П. – 1979. – 672 с. ; Т. 4 : П–Р. – 1980. – 768 с. ; Т. 5. – Кн. 1 : С–У. – 1982. – 663 с. ; Т. 5. – Кн. 2 : У–Я. – 1984. – 608 с.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1973. – 232 с.
- FRHSJ – Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. – Zagreb : Školska knjiga, 1982. – 808 s.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Т. 1–3. – Warszawa : Państw. Inst. Wydawniczy, 1969–1972.
- Skor. – Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa : Wiedza Powszechna. – Т.1 : А–Р. – 1974. – 788 s. ; Т.2 : R–Z. – 1974. – 905 s.
- Zaor. – Zaoralek J. Lidová rčení. – Praha : Nakladatelství Československé akademie Věd, 1963. – 779 s.

УДК 811.161'362

Р. В. Козак

МОДУС КАТЕГОРИЧНОСТІ В СИСТЕМІ ЕКСПРЕСИВНИХ СИНТАКСИЧНИХ ЗАСОБІВ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

Козак Р. В. Модус категоричності в системі експресивних синтаксичних засобів східнослов'янських мов.

У статті розглядається модус категоричності як експресивний синтаксичний засіб. Автор висловлює думку, що прагматична спрямованість зближує категоричність з експресивністю, робить її одним із важливих засобів мовленнєвого впливу. Розкриваються причини підсилення категоричності, жанри, у яких виявляється категоричність, та засоби її вираження.

Ключові слова: адресат, висловлення, жанр, експресивність, емоційний стан мовця, категоричність, модус, модусний смисл, смислові відтінки категоричності, спілкування.

Козак Р. В. Модус категоричности в системе экспрессивных синтаксических средств восточнославянских языков.

В статье рассматривается модус категоричности как средство экспрессивности. Автор высказывает мысль, что прагматическая направленность сближает категоричность с экспрессивностью,